

Информационный бюллетень НС

**NSDAP/AO : PO Box 6414
Lincoln NE 68506 USA
www.nsdapao.org**

#1159

01.06.2025 (136)

Гитлер на войне : Что произошло *на самом деле?*

А.В. Шаерффенберг

Часть 6

Глава 5: Чешские и польские бочонки для пороха

***"Четырех враждебных газет стоит опасаться больше, чем тысячи
штыков."***

Наполеон
Бонапарт

Версальский договор, завершивший Первую мировую войну, обычно упоминается историками как основополагающая причина следующего глобального конфликта. Подписанный под давлением слабонервных немецких политиков, он представлял собой не что иное, как узаконенный грабеж побежденного народа. Естественно, победоносные союзники считали

свои мотивы вступления в войну исключительно оборонительными, поэтому в провоцировании военных действий был виноват только поверженный враг. В версальских залах не упоминалась политика *реванша*, которая господствовала во Франции с момента ее унижения в Седане в 1871 году; традиционная политика Англии, которая воевала против ведущей державы континента, независимо от того, кто это был, чтобы обеспечить себе господство; стремление России объединить славянство под властью царя, выступив в роли его спасителя в Сербии. Единственным предвоенным "преступлением" Германии было превращение в промышленного конкурента. Именно ее обретенное богатство послужило стимулом для корпоративных договорщиков 1918 года, когда они отобрали у Германии угольные месторождения, оставив ее народ мерзнуть и голодать, и наложили на него столь суровые репарации, что он был обречен на вечное обнищание. Отсюда вытекает экономическая необходимость возложить на немцев всю ответственность за "Великую войну".

Версальский договор был не более чем формальным документом, составленным для прикрытия грабежа побежденного врага. Международные преступники, разработавшие его, усугубили свое злодейство, сковав воедино европейский континент, раздробленный войнами и революциями на остатки Австро-Венгерской империи и имперской Германии. В своей жадности, мести и невежестве составители договора разделили целые регионы с несвязанными, часто противоположными народами на новые, искусственно созданные государства. Миллионы поляков, немцев и венгров внезапно оказались в Чехословакии; еще больше немцев - в Польше и Литве, а тысячи поляков - в Венгрии, венгров - в Румынии и т. д. и т. п. Только в Судетской области 2 800 000 этнических немцев оказались за чешской границей, отрезанными от своей родины и под властью открыто враждебного иностранного правительства. Около 625 квадратных миль польской территории, на которой проживало более четверти миллиона поляков, были переданы Чехословакии. Венгрия потеряла 7 500 квадратных миль территории с 775 000 своих жителей, также без их согласия.

Для сравнения: если бы Соединенные Штаты проиграли войну и были вынуждены уступить, скажем, Вашингтон, Монтану или Айдахо с их американским населением Канаде, или Калифорнию, Техас и Аризону Мексике, наша страна оказалась бы в состоянии, аналогичном тому, в котором оказались Германия, Польша и Венгрия после Первой мировой войны. И всякий раз, когда проживающие в стране немцы, поляки или венгры возражали против зачастую жестоких условий, навязанных им, их протесты "безжалостно подавлялись пражским правительством президента

Бенеша" (Chant, 5). Как заметил генерал Леон Дегрель, было неизбежно, что такой беспорядок в конечном итоге выльется в новый международный конфликт, с Гитлером или без него.

Начиная с 1933 года немцы на территориях, отрезанных от Рейха, где фюрер восстановил национальную гордость, жаждали вернуться на родину. В Судетской области немецкое меньшинство более чем на 90 % проголосовало за возвращение в Рейх в ходе плебисцита, за которым следили международные наблюдатели. Когда в мае 1938 года чешское правительство все еще отказывалось отпустить судетцев в свою страну, а затем мобилизовало свои вооруженные силы, Гитлер пригрозил призвать вермахт. К тому времени он уже знал о решимости союзников так или иначе развязать против него войну, несмотря на все его усилия по достижению международного взаимопонимания. На самом деле Германия не была готова к войне, но и Франция или Англия - пока нет. Однако с их темпами перевооружения они могли бы представлять собой подавляющую военную угрозу еще через несколько лет. Например, RAF потратили на перевооружение больше, чем все германские вооруженные силы вместе взятые в 1930-е годы. Рейх мог надеяться на успешную защиту от союзников только до того, как они станут слишком сильными, чтобы сопротивляться. Поэтому фюрер сообщил своим командирам, что если Судетский вопрос не будет решен к 1 октября, то они должны начать вооруженные операции против Чехословакии.

Когда Европа балансировала на острие штыка войны, спасти мир мог только человек с личным авторитетом и дипломатическим искусством Бенито Муссолини. В последнюю минуту он созвал экстренную встречу четырех держав в Мюнхене. Свободно владея английским, французским и немецким языками, он дал понять всем делегатам, что воссоединение судетских земель с их естественной родиной - единственный способ избежать военных действий, несмотря на непрекращающуюся агитацию в международной прессе. Тем временем Эдвард Бенеш, широко разрекламированный лидер Чехословакии, был представлен всему миру в прессе, кинохронике и радиопередачах как благородная, жалкая жертва фашистской хищности и запугивания союзников. "В то же время, - отмечает историк Петер Гриннер с высоты семидесяти лет, - доктор Бенеш, политически и морально слабый чешский президент, у которого не было сил на войну, подал в отставку и бежал во Францию с 10 000 долларов [советских пожертвований] в кармане" (48).

Всего за два дня до того, как вермахт должен был вторгнуться в Чехословакию, был подписан Мюнхенский пакт. Дуче, спасший Европу от

самоубийства, вернулся к заслуженному триумфу героя в Риме, а судеты без происшествий вернулись в свой рейх. Тем временем Черчилль, говоря о себе и своих товарищах по войне в "Фокусе", ворчал: "Мы потерпели полное и безоговорочное поражение" (Innes, 13).

Но униженные чешские политики выплеснули свое разочарование на другие иностранные народы, все еще остававшиеся под их контролем по Версальскому договору. Словаки и венгры-русины подвергались жестокому угнетению и обратились к Адольфу Гитлеру за помощью, которую он оказал судетенландцам. Узнав от СД, что чехи тайно строят авиабазы для советских бомбардировщиков, способных поражать немецкие цели в течение 30 минут после взлета, он захватил Чехословакию, разделив ее на Богемию и Моравию - названия, под которыми эти страны были известны на протяжении веков до заключения Версальского договора. Один взгляд на карту, составленную после Первой мировой войны, показывает, как это синтетическое государство, словно кинжал, вонзилось вглубь немецкой территории, чтобы сохранить Германию вечно искалеченной.

"Чехословакия" была искусственным творением французских и британских политиков, которые ничего не знали о регионе, который они намеревались воссоздать. На самом деле их истинной целью создания Чехословакии было поддержание Центральной Европы в состоянии постоянной суматохи (т. е. безвластия). Гитлер немедленно демонтировал эту подрывную затею и восстановил ее по естественному принципу; другими словами, этнически, лингвистически и культурно родственному населению было позволено образовывать свои собственные общины. Он дал словакам свободу под руководством католического монсеньора Йозефа Тисо и позволил Венгрии воссоединиться со своими разделенными соотечественниками в Рутении. Описывая чешский кризис, ведущие историки почти всегда не ставят в заслугу Гитлеру свободу, которую он предоставил этим негерманским меньшинствам, включая поляков в Тешене, которым также было разрешено вернуться на родину. Урегулирование, которое он заключил с Муссолини, "дало Польше общую границу с Венгрией, которую она хотела получить в течение многих лет" (Innes, 35). В апреле того же года польские летчики с триумфом прошли рядом с летчиками Люфтваффе по Мадриду в честь победоносного завершения гражданской войны в Испании. Трагично, но всего пять месяцев спустя они будут летать друг против друга.

Первым дипломатическим триумфом Гитлера стало заключение пакта о ненападении с Польшей в 1934 году, за которым в течение нескольких последующих лет последовали секретные предложения о военном союзе для защиты Европы от Советов. В январе рейхсминистр доктор Йозеф Геббельс

произвел благоприятное впечатление на варшавских государственных деятелей, и две страны заметно сблизились. Как заметил Ватт, "визит был успешным"(325). В следующем году маршал Пилсудский принял Германа Геринга, который предложил военный союз против России. После поражения этой страны Польша получила бы всю Украину. Такой германо-польский союз создал бы объединенную силу, слишком мощную для западных союзников или СССР, чтобы с ней справиться, и в то же время сорвал бы планы Черчилля и его приверженцев войны.

Предложение Геринга стало одним из величайших поворотных пунктов современной истории. Если бы оно было принято, ход событий был бы кардинально изменен, а коммунистический колосс свергнут. Кроме того, Советский Союз в это время находился в политическом и военном беспорядке, что было вызвано параноидальной чисткой Сталиным высокопоставленных чиновников в вооруженных силах и политбюро. Вторжение немецких и польских войск в конце 1930-х годов в СШП имело бы гораздо больше шансов на успех, чем операция *Барбаросса* в 1941 году. К тому времени Красная Армия уже сама была готова к нападению на Германию. Если бы Пилсудский принял щедрое предложение Геринга, Польша могла бы стать по-настоящему значимой европейской державой и избежать грядущей ужасной участи. Вместо этого маршал продолжал предаваться опасной игре, разыгрывая немцев против русских, делая вид, что его страна уже является державой-брокером Европы, игнорируя ее шаткое положение между Третьим рейхом и Советским Союзом. Вместо того чтобы разумно встать на сторону одного государства против другого, он решил манипулировать обоими, и его страна была раздавлена между ними.

Несмотря на это, Гитлер продолжал выражать искреннее восхищение Пилсудским и модернизированной Польшей, заявив в мае 1935 года перед рейхстагом: "Мы признаем с пониманием и сердечной дружбой истинных националистов польское государство как родину великого, национально сознательного народа". В следующем месяце немецкие и польские представители начали переговоры, которые через полгода привели к заключению торгового соглашения. Как отметил Уотт, "этот договор был чрезвычайно важен для Польши, поскольку Германия была самым важным экспортным рынком Польши. В прошлом Германия могла нанести значительный ущерб польской экономике, произвольно изменяя тарифы или квоты на импорт из Польши. Это новое соглашение предоставило Польше статус страны наибольшего благоприятствования и разрешило ряд экономических споров между двумя странами" (327).

Эти образцовые отношения, наряду с растущей угрозой со стороны Советской России, постепенно стали склонять поляков к пересмотру предложенного Герингом военного союза. В подтверждение своих прорейховских намерений варшавское правительство направило польские самолеты для полетов с *легионом Кондор* в Испании. Всего за восемь месяцев до начала войны Гитлер искренне сказал Йозефу Беку во время визита министра иностранных дел Польши в Берхтесгаден 5 января 1939 года: "Германия была бы очень заинтересована в дальнейшем существовании сильно националистического польского государства, поскольку в России может произойти то, что произошло... Кроме того, существование сильной польской армии в значительной степени облегчало бремя Германии. Дивизии, которые Польша держала на своей границе с Россией, избавляли Германию от аналогичного военного бремени" (Innes, 31).

Тем временем международные подстрекатели, глубоко разочарованные победой Муссолини в борьбе за мир в Чехословакии, искали другое место для разжигания вражды. Они нашли его в Данциге. Как и Судетенланд, этот средневековый город был отрезан от своей немецкой родины ненавистными версальскими бандитами двадцать лет назад. Его жители, оказавшиеся в осажденном положении, также жаждали воссоединения с родиной, теперь уже в качестве гордого национал-социалистического государства. Но они были связаны между собой немыслимым устройством - тонким коридором к границе Восточной Пруссии. Около полутора миллионов немцев оказались в Польше в результате Версальского договора.

Чтобы полюбовно решить дилемму, Гитлер предложил профинансировать строительство шоссе и железной дороги, соединяющих Данциг. В обмен на более широкий доступ к старому немецкому городу эти сооружения должны были облагаться налогом для поляков, которые также должны были эксплуатировать свою собственную железную дорогу до Данцига, где все их экономические права должны были быть защищены и сохранены. Польша должна была получать солидную постоянную прибыль без ущерба для своего территориального суверенитета. "В настоящий момент, - заявил он в шестую годовщину захвата власти национал-социалистами, - между нашими дружественными, мирными государствами почти нет разногласий по поводу важности этого документа (германо-польского пакта о ненападении 1934 года)... В прошлом году мы увидели, как дружба между Германией и Польшей доказала свою ценность в качестве гарантии мира в политической жизни Европы" (Innes, 33); то есть вклад Польши в урегулирование чешского кризиса.

Переговоры о Данциге велись сердечно, без спешки, начиная с октября

1938 года, и Гитлер был уверен в их взаимовыгодном исходе. Однако он был неприятно удивлен, когда всего через одиннадцать дней после Берхтесгадена Йозеф Бек холодно отклонил его приглашение присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, где оба правительства склонялись к такому союзу. Опираясь на объединенную военную мощь Третьего рейха, фашистской Италии и императорской Японии, Польша была бы избавлена от дальнейших тревог по поводу советских амбиций на ее российской границе. Когда посол иностранных дел Германии посетил Варшаву, чтобы отпраздновать пятую годовщину германо-польского пакта о ненападении, поляки отказались от любого упоминания Данцига и встретили немецкую делегацию с холодной формальностью.

В марте варшавское правительство прекратило дальнейшее обсуждение вопроса о Данциге, категорически отвергнув щедрое предложение фюрера, от которых поляки могли выиграть как в экономическом, так и в военном отношении. Он изложил им ситуацию через своего посла: "Немецко-польское соглашение не может сохраниться, если Польша не продемонстрирует "четкую антисоветскую позицию". Польша должна понять, что ей придется выбирать между Германией и Россией" (Innes, 35). В том же месяце ранее дружелюбный Бек заявил своему дипломатическому коллеге графу Шембеку: "Мы знаем точный предел наших собственных интересов... за этим пределом Польша может объявить только *non possum* ("мы не можем"; заявление о невозможности; отказ). Все очень просто: Мы будем бороться!" Решимость Бека стала бы шоком для Гитлера, который все еще рассчитывал на Польшу как на жизненно важного союзника в борьбе с советским коммунизмом, и он не мог предположить, что резкая перемена в позиции Польши была подстроена иностранным дипломатом.

Уильям К. Буллит, доверенное лицо президента Рузвельта в Европе, был высокопоставленным правительственным чиновником еще при администрации Вильсона в 1919 году, когда он выступал за признание США Советского Союза. Его рекомендация была повсеместно отвергнута Конгрессом, после того как в ходе расследования Конгресса выяснилось, что СССР был не более чем кровавой тиранией, навязанной русскому народу международными еврейскими гангстерами. Удрученный таким вердиктом, он ушел из политики, но был восстановлен Ф.Д.Р. в должности первого посла Америки в СССР после признания СССР - первой международной акцией Рузвельта после вступления в должность президента. Прокоммунизм и нетерпимость Буллита к фашизму на высоком уровне сделали его одним из самых ценных инструментов евреев для разрушения нормальных отношений между языческими странами.

Путешествуя по Восточной Европе, он использовал свои природные дипломатические способности и внушительные полномочия личного представителя президента, чтобы оказать влияние на польских чиновников. Буллит убеждал их сдерживать натиск немцев на Данциг. Война неизбежно должна была начаться, но к тому времени Британия и Франция вторгнутся в Рейх с запада, а фюрер окажется в центре. Польша должна была получить остальную часть восточной Германии в рамках своей части сделки. Все, что поляки должны были сделать, - это спровоцировать Гитлера на нападение, а затем сдерживать его достаточно долго, чтобы британцы и французы пришли им на помощь. Ослепленные жадностью и высокомерием, наивные варшавские лидеры поставили существование своей страны на заверения иностранных политиков, для которых Польша была не более, чем целесообразностью для войны, которую они были намерены разжечь где-нибудь и как-нибудь.

Посеяв семена конфликта в Польше, Буллит перебрался во Францию, где аналогичным образом заверил французских чиновников, что США поддержат любую войну, которую они развяжут против Германии. Через год, когда его страна была покорена вермахтом, премьер-министр Франции Эдуард Деладье передал в эфир свое знаменитое обращение к Америке с просьбой прислать "тучи военных самолетов", обещанных Буллитом. Через неделю немцы вошли в Париж.

Буллит отправился в Лондон, где встретился с премьер-министром Великобритании. В 1941 году, незадолго до своей смерти от рака и в разгар Второй братоубийственной войны в Европе, Невилл Чемберлен признался, что "Англия никогда бы не вступила в войну за Польшу, если бы не постоянные уговоры Буллита и евреев" (Forrestal, 178). Чемберлен не был другом Рейха, но он искренне хотел избежать войны, по крайней мере, на данный момент, потянув время, пока вооруженные силы Великобритании не будут достаточно укреплены, чтобы бросить вызов Вермахту. Его обманул Ян Колвин, яростно антигермански настроенный журналист из *News Chronicle*. Колвин был ответственен за единоличное изменение британской польской политики, солгав премьер-министру 29 марта, что фюрер намерен напасть на Польшу при первой же возможности по заранее разработанному плану. Однако резервный план (гитлеровское *дело Уайта*) был теперь активирован в *результате* британской гарантии" сражаться за Польшу (Irving, *Goebbels*, f.293). С помощью этого обмана Колвин "склонил чашу весов в сторону войны".

Западные "демократии" ясно дали понять Гитлеру, что они намерены начать с ним войну, но он надеялся, что ее удастся отложить как можно

дольше. Однако если военные действия все же должны начаться, он предпочитал, чтобы они велись на его собственных условиях, когда у Германии будет больше всего шансов на успех. В условиях, когда перевооружение союзников шло полным ходом, время работало против него. Например, в 1939 году, когда началась война, французское правительство превосходило Германию по расходам на вооружение, а его крупные военно-воздушные силы финансировались более активно, чем люфтваффе Германа Геринга. Начиная с февраля 1934 года, по словам американского журналиста Дугласа Бринкли, Париж тратил миллиард франков в год только на свои военно-воздушные силы (68). Пять лет спустя он располагал более чем 3000 самолетов, что несколько меньше, чем у Люфтваффе, но в сочетании с польскими, голландскими и британскими военно-воздушными силами немцы превосходили их в воздухе по меньшей мере три к одному. В общей сложности армейские резервы Польши, Нидерландов, Франции и Великобритании насчитывали около десяти миллионов человек и превосходили немецкие резервы в соотношении пять к одному. На море у союзников было в двадцать раз больше боевых кораблей, чем у Кригсмарине.

Остро осознавая нависшую угрозу существованию своей страны со стороны яростно вооружающихся союзников, Гитлер продолжал предлагать полякам справедливое урегулирование. Их упрямство к этому времени стало невыносимым даже для англичан и французов (которые сомневались в неофициальных обещаниях Буллита о военной помощи со стороны США). 27 и 29 августа - буквально за несколько дней до начала войны. Они призывали Варшаву к переговорам с Гитлером, но поляки решительно отказались, поверив конфиденциальным заверениям Буллита. В том же месяце, когда французский посол предложил им допустить советские вооруженные силы на свою территорию для защиты Польши, маршал Эдвард Рыдз-Смиглы, польский главнокомандующий, ответил: "С немцами мы рискуем потерять свободу. С русскими мы потеряем душу" (Innes, 60). Уступив пению сирены Буллита, они потеряют и то, и другое.

Несколько дней спустя фюрер попытался предотвратить кризис, потребовав возобновления прямых переговоров с министром иностранных дел Польши. Он сказал британскому послу, сэру Невиллу Хендерсону: "В этих обстоятельствах германское правительство согласно принять предложение британского правительства оказать добрые услуги в обеспечении отправки в Берлин польского эmissара с полными полномочиями. Они рассчитывают на прибытие этого эmissара в среду, 30 августа" (Innes, 82). Вместо этого Бек заставил немцев ждать целых два дня,

не дав им ответа, а затем вылетел в Лондон, где он и его дипломатический коллега, граф Эдвард Рачинский, подписали пакт о взаимопомощи с министром иностранных дел Великобритании лордом Галифаксом. Соглашение гарантировало вооруженное вмешательство Англии в случае нападения на Польшу "любого иностранного врага", хотя в секретном протоколе, не раскрывавшемся до конца войны, упоминалась только Германия.

Только прочитав на следующий день в газетах о бесцеремонном презрении Бека к переговорам любого рода, фюрер узнал о случившемся. Этот беспрецедентный отпор избранному лидеру соседней страны в разгар призыва к миру был преднамеренной провокацией, за которой немедленно последовали польская мобилизация и военные маневры у немецкой границы - все это должно было спровоцировать Гитлера на нападение. Шесть лет спустя в своем последнем завещании он вспоминал: "Еще за три дня до начала германо-польской войны я предложил британскому послу в Берлине решение германо-польской проблемы, аналогичное проблеме Саарской области, под международным контролем. Это предложение не поддается объяснению. Оно было отвергнуто только потому, что ответственные круги в английской политике хотели войны, отчасти в расчете на деловые выгоды, отчасти под влиянием пропаганды, которую вело международное еврейство".

Еще в январе, когда настроение поляков впервые ухудшилось по отношению к Германии, Риббентроп признался своим дипломатическим коллегам во время их возвращения в Берлин: "Отныне у нас есть только один вариант действий, если мы хотим вырваться из территориального окружения, и это - достижение взаимопонимания с русскими" (Innes, 33). Со своей стороны, Гитлер не позволил бы окружить себя врагами. Ему нужно было дипломатически обойти их с фланга до того, как начнется стрельба. Как он сказал Якобу Буркхардту, швейцарскому комиссару Лиги Наций в Данциге: "Все, что я предпринимаю, направлено против Советского Союза. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы понять это, я буду вынужден прийти к соглашению с русскими". Поэтому 23 августа он шокировал весь мир (включая своих товарищей по НСДАП, некоторые из которых в знак протеста ушли в отставку), заключив с Советским Союзом пакт о ненападении. Это был радикальный шаг, к которому его принудили западные демократии, заставившие его предотвратить развитие второго фронта путем нормализации отношений с Россией.

Почти два года спустя, когда его легионы входили в СССР, он объяснил в речи в Рейхстаге: "Лишь с огромным трудом я заставил себя в августе 1939 года направить министра иностранных дел в Москву, чтобы попытаться

противостоять британской политике окружения Германии". Тем самым он обыграл Францию и Англию в их собственной игре в дипломатию с высокими ставками. Обе страны охотно склоняли Сталина к союзу против Третьего рейха, но маршал предпочел заключить с Германией сиюминутный договор, который дал бы ему жизненно важное время для завершения собственного перевооружения.

По словам маршала Красной Армии Стефаниса, "пакт между Советским Союзом и гитлеровской Германией является временным. Мы не позволим ему длиться долго". Его поддержал маршал Ворсолов: "Немцы не должны догадываться, что мы готовимся нанести им удар в спину, пока они заняты борьбой с французами, иначе они могут изменить свой генеральный план и напасть на нас". Все это не должно было удивить Гитлера, который еще во время работы над *Майн кампф* в 1925 году писал: "Нынешние правители России не имеют ни малейшего представления о том, чтобы с честью вступить в союз, не говоря уже о том, чтобы соблюдать его" (т. 2, гл. XIV). Он справедливо заключил: "Германия сегодня является следующей великой военной целью большевизма".

Когда началась война с Советским Союзом, "Гитлер, похоже, едва опередил Сталина", - утверждает Рассел Х.С. Столфи, профессор истории в Военно-морской аспирантуре США в Монтерее, штат Калифорния. "Недавно опубликованные свидетельства и особенно эффективные аргументы показывают, что Сталин начал массированное развертывание советских войск на западной границе в начале июня 1941 года. Эти данные подтверждают мнение о том, что Сталин намеревался как можно быстрее, вероятно, примерно в середине июля 1941 года, использовать сосредоточенные на западе силы для советской "Барбароссы". Показания заключенных также подтверждают мнение о том, что Советы намеревались напасть на Германию в 1941 году. Чрезвычайное развертывание советских войск на западной границе лучше всего объясняется как наступательное развертывание для нападения с полной мобилизацией чрезвычайно мощных сил, сосредоточенных там для этой цели" (Michaels, 21).

Хорст Слезина, ветеран первых дней операции *Барбаросса*, лично наблюдал за подготовкой советских войск к вторжению в Европу. "Впервые, - вспоминал он о первых днях кампании, - мы узнаем подробности страшной угрозы, которую представляет для нашего Отечества и всей Европы наступление Советской Армии. Из дипломатической и военной игры Советского Союза - и бесстыдных требований Сталина и Молотова - мы видим, что боссы в Кремле считают, что их час настал. Переговоры с Англией, продвижение советских войск к границам Германии, Финляндии,

Венгрии и Румынии устраняют последние сомнения в советских намерениях. Большевизм готов начать поход за мировой революцией с нападения на Германию... Когда первые (немецкие) пехотинцы пришли на Восток, были разгружены и продвинулись к границе, мы увидели гигантские колонны русских, которые строили свои позиции все ближе к немецкой границе... Они создали густую сеть на немецкой границе, за которой гигантские, бесконечные колонны провели одну из самых массовых мобилизаций в истории войн" (8-11).

После войны майор Косков, командир 24-го пехотного полка 44-й пехотной дивизии Красной Армии, признал, что "русские по собственной воле напали бы на Германию не позднее чем через две-три недели" (Johnson, 36). В то время как Рейх и Россия все еще находились в состоянии мира, Сталин хвастался выпускникам Военной академии имени Фрунзе 5 мая 1941 года: "Мы можем начать войну с Германией в течение ближайших двух месяцев. Теперь, когда мы сильны, мы должны перейти от обороны к нападению". По словам переводчика на русский язык Министерства обороны США Дэниела Майклса, "по оценкам российских аналитиков, немцы нанесли свой упреждающий удар за две-четыре недели до запланированного Советским Союзом шага" (20).

Но пока Гитлеру требовалось соглашение, пусть и непостоянное, с СССР, чтобы избежать войны на два фронта; чтобы держать русского медведя на расстоянии вытянутой руки, хотя бы временно. Он также стремился загнать западных союзников в ловушку их собственного Варшавского договора, заключенного 25 августа. В нем говорилось, что Великобритания и Франция объявят войну "любому", кто вторгнется в Польшу; хотя Германия явно подразумевалась в качестве потенциального захватчика, она не упоминалась по имени, по крайней мере публично. Если бы Германия и Россия вторглись в Польшу, союзники были бы обязаны по своему собственному договору объявить войну обеим странам-нарушителям, чего, как он знал, они никогда не смогут сделать.

Однако когда война пришла в Польшу, демократические страны продемонстрировали всю степень своего лицемерия, выборочно объявив войну Рейху, но воздержавшись от аналогичного заявления против Советского Союза, чьи войска вошли на польскую территорию две недели спустя. Перспектива того, что Англии и Франции придется взять на себя и Германию, и Россию, была для них слишком тяжелой. Хотя они и не воздержались от объявления войны Германии, поскольку были обязаны действовать идентично в отношении СССР, они, по крайней мере, разоблачили свою вопиющую нечестность перед всей историей.

Конечно, они никогда не собирались приходить на помощь Польше, что было само собой разумеющейся невозможностью в любом случае. Поляки храбро и упорно сражались, полагаясь на то, что англичане и французы выполнят свои клятвенные обещания и вторгнутся в Германию с запада. Именно эта твердая вера в далеких союзников вдохновляла поляков на защиту столицы страны даже после того, как сопротивление, каким бы решительным оно ни было, стало столь же бесполезным, сколь и трагичным. Западные "демократии" предали поляков, которых они цинично считали не более чем пушечным мясом для своих антинацистских планов. Их истинное отношение выразил Уинстон Черчилль после капитуляции Польши, страны, которую он публично изобразил "героическим защитником права и добра против нацистских полчищ". Огорченный поражением поляков, он презрительно назвал их "тупыми поляками, которые не умеют воевать". Это была вся благодарность за то, что они обеспечили войну, которую Черчилль и другие требовали и получили от них.

НСДАП/АО — крупнейшая в мире
Поставщик национал-социалистической пропаганды!
Печатные и электронные периодические издания на многих языках
Сотни книг на многих языках
Сотни веб-сайтов на многих языках

